

10. Півавар, К. С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту: манаграфія / К. С. Півавар. – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 155 с.
11. Полный церковно-славянский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthodic.org>. – Дата доступа: 14.11.2016.
12. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
13. Самусевіч, В. Беларускія СМІ як уплывовы фактар нацыянальнай лагасферы / В. Самусевіч [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: elib.bsu.by. – Дата доступу: 18.11.2016.
14. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Акад. проект, 2001. – 824 с.
15. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. Т. 5, кн. 1: С-У / рэд. тома М. Р. Суднік. – Мінск: БелСЭ, 1982. – 663 с.
16. Шведаў, С. М. Слоўнік сінонімаў беларускай мовы / С. М. Шведаў. – Мінск: Сучаснае слова, 2004. – 480 с.

Ольга Десюкевич

*Белорусский государственный университет
(Беларусь)*

ИДИОМЫ В БЕЛОРУССКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

Данная работа является частью исследования функционального и ценностного распределения основных идиомов в дискурсивном пространстве белорусского интернета. Исследование выполняется в направлении этноинтеракциональной социолингвистики [7, с. 7], которая путем наблюдения над участниками интеракции выясняет, какие языковые коды используются говорящими по отношению к разным собеседникам. Непосредственной задачей является описание таких контекстов, в которых говорящий использует в своей речи вкрапления из другого идиома (кодовые переключения) для дистанцирования от некоторой части общества, которой, как он думает, данный идиом принадлежит и ценности которого выражает.

По данным социолингвистических и этнолингвистических исследований, в Беларуси сосуществуют, пребывая в сложном взаимодействии, следующие идиомы: белорусские диалекты (в качестве материнского языка), белорусский литературный язык, русский литературный язык, смешанный вариант русского и белорусского языков (трасянка), а также русское просторечие в молодежной городской среде. Доминирующим

считается русский язык, остальные идиомы являются закрепленными за отдельными социальными и территориальными группами. Так, отмечается, что на западе страны в большей степени сохраняются белорусские говоры и язык, тогда как по мере приближения к восточной границе возрастает количество лексических и грамматических русизмов. Городская речь в большей степени ориентируется на русский литературный язык, однако степень его приближения к идеальному сильно отличается у говорящих в зависимости от уровня и характера образования (отмечается, что люди с техническим образованием не слишком требовательны к качеству речи). Особое внимание у исследователей вызывает тряснянка и ее влияние на ситуацию билингвизма в Беларуси: этот идиом отличают от единичных случаев интерференции в речи двуязычных говорящих, подчеркивая, что тряснянка представляет собой такую степень взаимодействия двух языков, которая создает отдельное от своих первоисточников явление, существующее, однако, исключительно в идиолектах: «Трясянка замечена у людей малообразованных, причем в качестве единственного средства коммуникации, а также в карикатурной форме у людей образованных, обычно изъясняющихся по-русски, по тем или иным причинам желающих заговорить по-белорусски. Считаю, что тряснянка – некий третий вариант, настолько перемешанный, что отнести его к русскому или белорусскому не удастся, причем этот вариант не имеет нормативного варианта, не обладает узусом, в связи с чем описать возможно только его идиолекты» [6, с. 91].

Особенность социолингвистической ситуации Беларуси, по мнению Э. Смукловой, заключается в том, что на белорусско-польском пограничье сформировался билингвизм с диглоссией (по Ч. Фергюсону, Дж. Фишману), для которого характерно устойчивое сосуществование в качестве языка повседневного общения *простой мовы*, интердиалекта, бывшего когда-то средством межнационального общения в ВКЛ, являющегося продолжением его разговорного варианта [см. 3; 5], и польского языка, выполняющего функции высокого языка. Ситуация на остальных территориях, однако, осложняется сосуществованием местных диалектов, тряснянки и русского языка в случае выхода в общении за пределы круга близких/знакомых, что позволяет говорить скорее о парадиглоссии – ситуации, описанной Дж. Фишманом как пограничной между билингвизмом с диглоссией и диглоссией без билингвизма, которую ученый характеризует как диглоссию сообществ (*środowiskowa*) [6, с. 93], поскольку данный тип диглоссии не охватывает общество в целом, выбор одного из двух или трех идиомов обычно диктуется сооб-

ществом, в которое входит говорящий или предполагает принадлежащим к данному сообществу адресата своего сообщения. За пределами парадигглоссии, или дигглоссии сообществ, ситуацию можно охарактеризовать как билингвизм без дигглоссии, поскольку функционально идиомы не закреплены. Проявлением такого билингвизма можно считать кодовые переключения в ходе одного коммуникативного акта, к которым прибегают говорящие, исходя из невысказанного, но всеми разделяемого убеждения в том, что все знают оба языка.

Если, по Дж. Фишману, билингвизму соответствует бикультурализм, то дигглоссии сопутствует диэтнизм (*di-ethnia*), который являет суть белорусской культуры, обогащает ее и составляет ее отличие: польский и русский культурные элементы «переварились» здесь в симбиоз, нечто неделимое, слитное. Однако в интегративных процессах, характеризующих диэтнизм, есть также и опасная, по мнению Э. Смукловой, тенденция – стирания культурных различий, проявляющаяся в неразграничении языков, расширении трасянки, которая мыслится автором как переходный этап от билингвизма к русскому языку как единственному средству общения.

По мнению Р. Радика, культурные практики в условиях языковой ситуации в современной Беларуси неизбежно оказываются малопродуктивными, поскольку с заменой белорусского языка на русский в качестве высокого языка и выбором в повседневном общении между родным говором, трасянкой и несовершенным русским белорус лишается возможности обрести общенациональные ценности, ограничивая свой кругозор ценностями и интересами семьи и местного сообщества, оставаясь в ментальном отношении консервативным, пассивным и закрытым от внешнего мира. Распространенный в течение нескольких поколений русский язык несет ценности, которые в белорусской культуре не могут укорениться настолько глубоко, как в русской, потому что само культурное воздействие на русском языке имело другую основу – не национальную, а советскую. Более глубокая основа ценностей оказывается для белорусов неосознанной или несущественной. Русский язык, так воспринятый, оставляет белорусов провинциалами, зависимыми от России, считает Р. Радик.

В противоположность такой точке зрения стоит привести мнение белорусского культуролога Максима Жбанкова, рассматривающего трасянку как культурную ценность и стратегию языкового сопротивления доминированию русского языка, направленную на постепенное обретение/возвращение к белорусскому языку: «*Trasjanka*, оказывается, своего

рода тайная, партизанская форма сохранения белорусского языка в контексте колониального лингвистического вмешательства. В то же самое время именно через трясанку эти колониальные коды разрушаются. В этом случае трясанка может быть рассмотрена как мощное средство для строительства национального самосознания» [цит. по: 2, с. 310]. На то, что трясанка представляет собой уже не социолект, а скорее культуролект, указывает А. Баркович [1, с. 157].

Кодовые переключения, неизбежно возникающие в общении билингвов, имеют разную форму – как словесную, так и фразовую: это могут быть прямые цитаты, повторы с сохраненной или переосмысленной интенцией, качественное выделение сообщения. Функции их также разнообразны: описаны закономерности перехода на иной идиом в зависимости от ситуации и темы общения, желания перейти с мы-кода на они-код [см. 7, с. 207], код в этом случае является как бы границей, отделяющей одну группу от другой, – в свете такого подхода билингвизм перестает рассматриваться как свойство людей, находящихся в определенной ситуации, выбор кода начинает пониматься как речевое поведение, сознательно избираемое говорящим в зависимости от представлений об адресате своего сообщения. Идею о том, что для билингва выбор того или иного языка связан с осознанным или неосознанным представлением о своей аудитории, о своем адресате, последовательно защищает А. Павленко, в своем исследовании опирающаяся на идею гетероглоссии М. Бахтина; анализ многочисленных исследований мышления билингвов, результаты которых приводит Павленко, указывает на существование связи между языком, выбираемым говорящим, и интерпретативными фреймами, актуализирующимися в коммуникативном акте [см. 8, с. 230–234].

Извлеченный нами из форумов текстовый материал содержит примеры вкраплений слов белорусского языка с прямой интенцией (одногласных слов, если использовать терминологию Бахтина) – это случаи, когда, очевидно, белорусизм более красноречив: *Господи, спаси Беларусь и ее народ от этой бесчинствующей навалачы!* (charter.org; 20.09.2016) – языковой знак *навалач* в значениях ‘той, хто прыйшоў, з’явіўся аднекуль, не тутэйшы’, ‘зброд, варожыя людзі’ обладает ярко выраженной пейеративой оценкой.

В большинстве случаев кодовое переключение на трясанку означает пародирование, не прямое выражение несогласия, высмеивание своего предполагаемого адресата, которого говорящий начинает проецировать на типичного носителя не разделяемых им ценностей. Среди та-

ких фрагментов интеракции довольно многочисленны случаи фразовых вкраплений, емко выражающих жизненные максимы: *страна, где усе добра*; типичное рассуждение в духе *«а можна так і трэба»*; поколение *абы не была вайны*, а также интертекстуальные вкрапления трасянки, пародирующие речь первого лица: *А как же клаЧок земли, данный нам Богом?*; *А всех, кто не входит в рамки, – жэстачайшэ запретиць и отпавіць в спецшколу, как в СССР*.

На явление иронического цитирования в случае кодовых переключений на русский язык в белорусских медиатекстах указывала Н. Мечковская: «Двуязычное общение, в том числе публичное, можно постоянно наблюдать в Беларуси. ...В Беларуси стали популярны издания на двух языках («Народная газета», «Добры вечар», «Беларускі час»), где прослеживаются содержательные зависимости между выбором языка и характером публикации. В ряде белорусскоязычных изданий вкрапления на русском языке – это экспрессивно-стилистическое средство (обычно ироническое цитирование). Иначе говоря, газеты начинают относиться к двум языкам как к двум функциональным разновидностям некоего одного языка, известного читателю» [4, с. 107–108]. Нам представляется, что кодовые переключения, переосмысленные в направлении противоположной интенции, свидетельствуют о том, что идиомы последовательно разграничиваются в сознании говорящих, поскольку не только имеют формальные отличия, но прежде всего выражают различные ценности.

Приведем характерный пример. На форуме, посвященном обсуждению проблемы телесных наказаний детей, были высказаны противоположные мнения – на русском языке, с белорусскоязычными вкраплениями. Олекса_Екуменский, являющийся сторонником традиционного воспитания, считает наказания проявлением заинтересованности родителя в будущем своих детей, а отказ от них – следствием равнодушия со стороны взрослого, первые практики позволяют, с его точки зрения, создать сильную личность, а вторые – вялое, безынициативное существо: *И постарайтесь поменьше слушать всяческие рекомендации по воспитанию детей. Поскольку памяркоўная абыякавасць электората – очень удобное состояние нашего общества, которое всячески нужно убавкивать басенками, начиная с детского сада*. Белорусский язык, очевидно, становится дополнительным инструментом создать прагматически насыщенное сообщение: на семантику русских эквивалентов ‘равнодушие, слабость, зависимость, готовность принять любое предложенное решение, отказаться от личной ответственности’ накладывается прагматика ‘свойство многих белорусов, которое удобно власти и ею поддерживается’.

Форумчанка marta-nika на ту же тему высказывается следующим образом: *Ленивых на мышление много, инертных, як усе. Спорить с такими бесполезно. Как со стеной. Легче... накричать, ударить – отгородиться от дитяти, сберечь свое собственное время. О, а потом и рождается зашуганное стадо, с философией – а можа так и трэба.* Любопытно, что те же свойства в человеке видятся автору результатом противоположного способа воспитания: именно насилие формирует в ребенке привычку к подчинению, применение наказания – следствие равнодушия родителя, желания как можно быстрее решить проблему. Характер включений иной – это фразовые кодовые переключения, как бы подразумеваемые аргументы ребенка (*я як усе*) и выросшего воспитуемого, со всем согласного (*а можа так и трэба*), – что делает гетероглоссию текста очевидной, мы словно присутствуем при сценке, в которой участвуют герои, и роли их написаны по-белорусски, автор отделяет их от себя, используя переключения с я-кода на они-код.

Анализ материала позволяет уточнить индексальный характер социального значения идиомов в данной языковой ситуации: в случае кодовых переключений в ситуации диалога белорусский язык в меньшей степени, трасянка в большей степени предполагают в качестве составляющей коммуникативного акта воображаемого адресата, маркируя его как часть социальной группы, в сильной степени стереотипизированной, наделенной низкой оценкой, кроме того, переключения на трасянку (возможно, и на стандартный белорусский) являются маркерами чужого мнения, альтернативной точки зрения. Вместе с тем кодовые переключения на белорусский язык в монологическом тексте выполняют совершенно иные функции – заполнения лексических лакун в индивидуальном языке говорящего и повышения экспрессии, предельного уточнения отношения говорящего к теме сообщения в прагматическом отношении.

Литература

1. Баркович, А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация: учеб. пособие / А. А. Баркович. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 288 с.
2. Вулхайзер, К. Может ли русский язык быть национальным языком для более чем одной нации? (Часть 2) / Курт Вулхайзер // Перекрестки. – 2012. – № 1–2. – С. 280–313.
3. Иванов, Вяч. Вс. «По-просту»: языки Великого княжества Литовского / Вяч. Вс. Иванов // Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 101–105.
4. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 207 с.

5. Прохорова, С. Белорусские говоры (вокруг Новогрудка, Браслава, Миор и Постава) в исторической перспективе / С. Прохорова, О. Десюкевич // *Acta Baltico-Slavica* 31. – Warszawa, 2007. – S. 205–212.
6. Смуклова, Э. Двухязычие по-белорусски: билингвизм, диглоссия или что-то другое? / Э. Смуклова // *Język a tożsamość na pograniczu kultur* / Red.: E. Smułkova, A. Engielking. – Białystok, 2000. – S. 90–100.
7. Bell, A. The guidebook to sociolinguistics / A. Bell. – Wiley-Blackwell, 2014. – 386 p.
8. Pavlenko, A. The bilingual mind and what it tells us about language and thoughts / A. Pavlenko. – Cambridge, 2014.
9. Radzik, R. Język jako wyznacznik tożsamości Białorusinów) / R. Radzik // *Język a tożsamość na pograniczu kultur* / Red.: E. Smułkova, A. Engielking. – Białystok, 2000. – S. 71–82.

Ольга Жизневская

*Минский государственный лингвистический университет
(Беларусь)*

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В НОМИНАЦИЯХ МАТЕРИ, ОТЦА И РЕБЕНКА В СМИ

Институт семьи подвергается сегодня значительным изменениям, что находит отражение в средствах массовой информации. Так, в текстах СМИ появляются новые номинации – *мать-курьер, мама по желанию, узкопрофильный отец, отец-нянька, перелетный ребенок, ЭКО-ребенок* и другие, – свидетельствующие о трансформациях в семейных отношениях современных белорусов. Как известно, языковая судьба номинаций зависит от экстралингвистических явлений, которые стоят за этими номинациями. Изменение социально-экономического и культурного статуса женщины в современном обществе, развитие биомедицинских технологий, появление нетрадиционных моделей семьи, нуклеаризация современной семьи, проявления различных форм семейного неблагополучия – эти и другие факторы способствуют появлению новых выражений – репрезентантов стереотипов семейных ролей. Уточним, что вслед за польским лингвистом Е. Бартминским под стереотипом мы понимаем субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей [1, с. 190].

Номинация в СМИ редко бывает нейтральной, в большинстве случаев она характеризуется наличием оценочного компонента (*ребенок-*